

ИРАКСКИЕ ПЛЕМЕНА: ОТ САДДАМА ХУСЕЙНА ДО ДЭВИДА ПЕТРЭУСА

Ошам Дауд

Племя в Ираке вновь начинает играть роль первого плана, как на политической арене, так и в процессе военного обеспечения безопасности в стране. Интерес, который проявляет американское военное командование к “племенному” вопросу, уже давно очевиден, об этом свидетельствуют стремления американцев воспользоваться иракским опытом (который мы с полным основанием можем назвать “удачным”) и в Афганистане.

Ниже мы попытаемся ответить на вопрос о том, почему в последние годы иракцы¹ либо по собственной воле, либо по подсказке или даже под нажимом со стороны объединяются в племена (реально существующие или вымышленные). Мы постараемся разобраться в коллективных и личных побуждениях, объясняющих воспроизводство подобной племенной системы, а также в том, каково ее значение сегодня, т. е. в 2009 году. В этом смысле перед нами, по сути, исторический феномен, ибо модернизация и глобализация, как видно, не обязательно приводят к исчезновению партикуляристских структур, тем более – если государственные деятели, центральные органы власти и/или представители международных структур (на данный момент – американские войска) только поощряют их упрочение. До такой степени, что в какой-то момент стало казаться почти естественным, что бывшего президента США, Джорджа У. Буша, чаще можно было видеть рядом с лидерами племен в провинции Аль-Анбар, чем с президентом Ирака. В свою

¹ Своего рода племенной активизм наблюдается не только в Ираке. В некоторых средневозвосточных обществах также можно констатировать внезапное появление различных форм племенной активности.

очередь, стало казаться нормальным и то, что некоторые представители племен звонят напрямую тому или иному американскому генералу, а не обращаются к региональным или местным властям. Налицо, таким образом, новая ситуация, когда племена продолжают существовать не только благодаря внутренней ситуации в стране, но и непосредственно благодаря их сложной системе взаимоотношений с самой что ни на есть глобальной силой: американскими войсками.

Есть все основания утверждать, что американская стратегия, нацеленная на объединение определенного количества племен в борьбе против Аль-Каиды на арабо-суннитских территориях, расположенных к западу от Ирака, на данный момент себя оправдывает. На сегодняшний день большинство этих племен воспринимает американские войска в качестве возможной защиты от Ирана, да и вообще ото всех тех, кто намеревается ослабить влияние этих племен в регионе (например, Аль-Каиды, действующей во имя ультрарадикального ислама). Между тем, наладить контакт между племенами и американскими войсками было непросто. Этому предшествовали долгие годы кровопролитных мятежей, а также принципиальное изменение стратегии американцев, позволившее им, в конце концов, найти подход к этой непростой категории населения. Упомянем также и щедрость “джи-ай”, морской пехоты и войск специального назначения² (финансовая помощь, обещание постов, интегрирование в иракские вооруженные силы и гражданские органы власти, а также определенная политическая карьера на региональном уровне). Тем не менее, этот запоздалый успех не является чем-то необычным: достаточно вспомнить взаимовыгодные отношения между государством и племенами при Саддаме Хусейне.

Нынешний премьер-министр Ирака, Нури аль-Малики, занимающий этот пост с 2006 года, в свою очередь тоже все больше и больше склоняется к использованию подобного американского опыта. Он проводит ежедневные встречи с предводителями племен, члены его кабинета и политически, и финансово поддерживают лояльные иракскому правительству племена (известные как “Комитеты поддержки”, *Majalis al-Isnad*). Естественно, Нури аль-Малики рассчитывает и на ответную преданность (как в личном, так и в политическом плане). Во время последних региональных выборов, прошедших 31 января 2009 года, эта стратегия оказалась достаточно плодотворной.

² См. статью Томаса Р. Сирла, вышедшую в 3 триместре 2008 года в американском военном журнале *JFQ*, № 50, сс. 62-66, и посвященную преимущественно заслугам и умелым действиям американских войск специального назначения, проявленных ими в племенных зонах провинции Аль-Анбар.

Однако обратимся вновь к важнейшим вопросам, без ответа на которые невозможно понять всю значимость племен в современном Ираке и, в частности, в западном его регионе.

Говоря об иракских племенах сегодня, в 2009 году, позволительно ли воспроизводить вновь и вновь классический образ, согласно которому племя – это непременно воинственный облик, готовность к набегам, безусловная солидарность между соплеменниками и т. д.? Или же мы имеем дело с социополитическими группами, сохранившими исторически сложившуюся форму, но при этом постоянно эволюционирующими и даже трансформирующимися?

Как мы уже упоминали, американцы были не первыми в своем желании опереться на иракские племена. Не следует забывать, что впервые племена были задействованы в политике Саддамом Хусейном, начиная с 1980-х годов и вплоть до 2003 года. Кратко рассмотрим теперь социальную структуру иракских племен. Что представляют собой эти племена? Каков их реальный вес в политической жизни страны? И еще более важный вопрос: каким образом могут они осуществлять свою деятельность в нынешнем Ираке? В тандеме с государством или же самостоятельно? Могут ли племена стать политической силой на общенациональном уровне, или речь идет всего лишь о локальных группах?

Что представляет собой иракское племя?

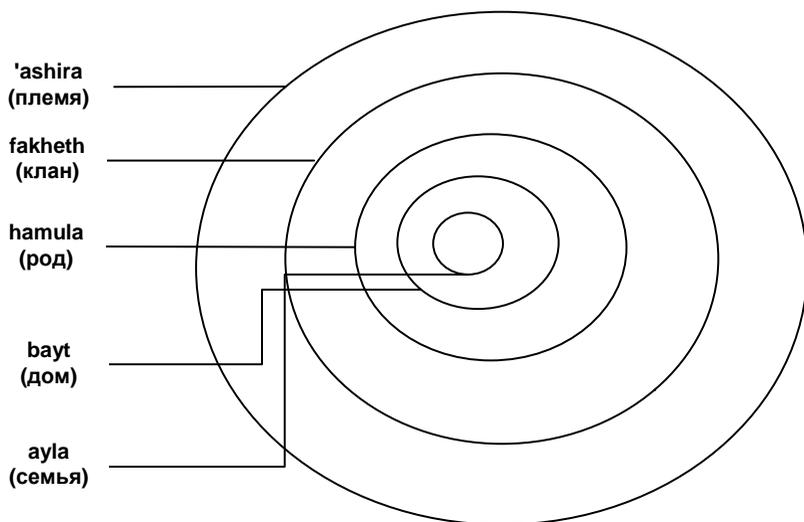
Употребление старых терминов и применение стереотипных моделей к понятию “племени” приводит к путанице, неясности в этом вопросе, тогда реальная суть понятия изменилось. Остановимся на некоторых основных хорошо известных терминах, с тем чтобы описать и деконструировать организацию иракского племени:

– Для определения понятия “племя” в арабском мире часто употребляются два термина: *ashira* и *qabila*. В Ираке более распространен термин *ashira*³. Он обозначает совокупность

³ Однако можно иногда услышать и термин *qabila*, который иракцы понимают как “племенной союз”. Те же иракцы употребляют и слово *asha'ir*, дословно означающее “племена” (мн. число: *ashira*), для указания на какой-то один племенной союз. Так, например, союз *shammar* будет называться *asha'ir shammar* или/и *quabilat shammar*. В других арабских средневосточных и северо-африканских регионах для обозначения *ashira* наиболее часто встречается термин *qabila*. Эти народы используют (по тому же принципу) другие термины, *faktheth* и *hamula*. В то же время они по-

индивидов и групп, говорящих на одном языке и даже, нередко, на одном и том же диалекте. Племя подразделяется на множество подгрупп, *fakheth* (кланов), которые в свою очередь подразделяются на несколько *hamula* (родов)⁴, состоящих из нескольких *bayt* (больших семей, или домов), а каждый *bayt* включает в себя несколько *âyla* (семей). Выдвинем гипотезу о том, что “дом” (в толковании этого понятия Леви-Строссом) в иракском обществе является первичной и простейшей структурной политической единицей.

'Ashira (племя) состоит из нескольких fakheth (кланов), которые подразделяются на несколько hamula (родов), состоящих в свою очередь из нескольких bayts (домов), делящихся на ayla (семьи)

прежнему употребляют слова *âyla* и *bayt*, правда, в обратном порядке значимости: для иракцев *bayt* оказывается важнее *âyla* с количественной и политической точек зрения, в то время как в Северной Африке и в других уголках Среднего Востока эти термины обозначают противоположные понятия.

⁴ В Ираке, как и в других странах, одно и то же слово может иметь несколько значений в зависимости от региона. На юге Ирака термин *hamula* означает “клан”, в то время как в центральных и северо-западных областях Ирака чаще употребляется термин *fakhedh*. Необходимо понять, что речь идет не просто о логической классификации терминов, ибо очень часто внутри больших племен у каждого *fakhedh* (“клана”) и у каждого *hamula* (“рода”) существует свой *cheikh* (“шейх”). Таким образом, мы имеем дело с племенными подразделениями, играющими видную роль как на социальном, так и на политическом уровнях.

Для племен в арабо-мусульманском мире, за редким исключением, важнейшей характеристикой является отдаленное патрилинейное родство, чаще скорее провозглашаемое, чем реальное. Здесь, как и в других местах, люди нередко манипулируют своей генеалогией. Скажем, заявление о связи со священным родом обеспечивает не только уважение, но и особый социальный статус, и порой устанавливает групповую субординацию. Родство по линии главы племени создает необходимые условия для того, чтобы в свою очередь стать шейхом.

Изначально наличие собственной территории, на которую племя заявляло свои права, и которую оно было готово защищать с оружием в руках (будь то территория унаследованная, завоеванная, обретенная в соответствии с обычным правом или полученная от центральных властей) представляло собой еще одну важную особенность племенной реальности. Сегодня же ранее общие племенные земли приватизированы и принадлежат частным лицам, и даже если права на владение этими землями в сельской местности передаются внутри одного и того же клана, они более не составляют общую собственность. В результате люди продолжают, в культурном смысле, говорить о той или иной территории как о принадлежащей племени, в то время как на деле земля уже приватизирована и разделена на неравные доли. Таким образом, существенная часть материальной основы организации племени оказывается модифицированной.

Численность племен различна, но не этим фактором определяется их политический вес в обществе. К примеру, как известно, племя *Альбу Нассер*, к которому принадлежал Саддам Хусейн, – одно из самых малочисленных, и тем не менее, на протяжении нескольких десятилетий оно играло немаловажную роль в иракской политической жизни. Некоторые племена могут насчитывать десятки, а порой и сотни тысяч людей, объединяющихся вокруг шейха (*sheikh*) и его “дома”. Считается, что шейх регулирует внутриплеменные отношения, а также, выступая от имени всего племени, представляет его интересы в отношениях с другими племенными группами, центральными властями или (как это происходит сегодня в Ираке) с иностранными и международными военными, политическими и даже экономическими силами (в том числе с американскими войсками).

Тем не менее, даже несмотря на тот факт, что раньше племена отличались значительно большей компактностью (проживание на общей территории, реальная взаимозависимость действий, наличие всесильного шейха во главе племени), и в наши дни племя продолжает оставаться группой, обладающей, однако, меньшей способно-

стью как внутреннего, так и внешнего принуждения. Необходимо понять, что отныне отдельно взятый член того или иного племени “свободен” в своих действиях и передвижениях. Он может даже дистанцироваться от своей группы, что было сложно себе представить не только в момент создания современного иракского государства в 1920 году, но и вплоть до конца пятидесятих годов XX в. Тем не менее, тот же самый человек может (в определенном контексте) счесть более выгодным для себя заявить о своей племенной принадлежности, с тем чтобы извлечь материальную или нематериальную выгоду и обрести относительное покровительство. В нынешнем трайбализме можно констатировать клиентелистский оттенок, с учетом той роли, которую играют племена в сфере распределения важных постов и доступа к доходам. Этим объясняется тот факт, что в некоторых южных или западных провинциях Ирака (например, в провинции Миссан на юге или в западной провинции Аль-Анбар) большинство полицейских или военных рекрутируются всего из нескольких племен. Поэтому неудивительно, что в этих областях Ирака обычная стычка между полицейским и военным может перерасти в племенной конфликт.

Иракские племена в период национального государства (1958 – 2003 гг.)

Чтобы понять, что такое иракские племена во всех их проявлениях, недостаточно просто проанализировать их нынешнее состояние. Необходимо окунуться в прошлое. За последние пятьдесят лет мы стали свидетелями трех этапов эволюции этого общественного института.

Эволюции противоречивой, ибо в своей политике государство и авторитарная партия Баас сочетали реальные меры по модернизации страны с использованием логики племенных отношений в целях сохранения власти.

В 1960-70 гг. иракское общество претерпело множество изменений: полное и окончательное подавление городом деревни, аграрная реформа, законодательное ограничение власти шейхов, всеобщий доступ к образованию, развитие среднего класса, изменения в сфере семейных и брачных отношений (постепенный переход к нуклеарной и моногамной семье), относительная эмансипация человека по отношению к его исконным группам принадлежности (племя, клан), более широкое участие женщин в экономической, социальной и даже политической жизни и т. д. Насаждаемая модернизация не смогла, однако, полностью вытеснить роль племенных отношений из соци-

альной и культурной жизни людей, хотя и лишила племена активного участия в политической деятельности. “Якобинское” иракское государство не представляло себе, что человек может подчиняться каким-либо иным структурам, кроме государственных!

Во время ирано-иракской войны (1980-89 гг.) по инициативе властей роль племен в политической и социальной жизни усилилась. Набор кадров в некоторых структурах власти и в элитных военных частях производился в основном в зависимости от племенной принадлежности и “региональных” корней претендентов. Это привело к тому, что в некоторых войсковых частях, полицейских и разведывательных структурах наблюдалось абсолютное соответствие между занимаемым постом и племенной принадлежностью. И если в 1960-70 годах племена находились под давлением государства (этот период мы назовем “огосударствлением племен”), то в 1980-90 годах произошла “племенизация государства”⁵ (особенно в силовых структурах). Параллельно с этими социально-политическими изменениями, за время правления Саддама Хусейна было выпущено немало псевдонаучных работ, призванных возвеличить значимость племен.

Однако только с началом войны в Кувейте и в результате шиитских и курдских мятежей в 1991 году племена и их лидеры получили общественное признание. Действительно, в 1980 годы племена снова вышли на политическую арену, однако тогда еще нельзя было сказать, что племенная активность структурирует общественную жизнь. И вот в 1990 годах, после символического выказывания лидерами племен Саддаму Хусейну своей полной лояльности, племенные отношения, в сочетании с относительно политизированным исламом, идеями “арабизма” и восхвалением славной истории Междуречья стали одним из четырех столпов режима партии Баас. Иракский “раис” (Саддам Хусейн) изменился настолько, что провозгласил “племенные ценности” (честь, мужество и т. д.) одними из явных составляющих национальной арабской культуры Ирака. В результате главные лица страны вновь стали употреблять свои племенные имена (что ранее им запрещалось). Это послабление привело к тому, что очень многие члены республиканской гвардии особого назначения, начальники служб безопасности и личные телохранители Саддама прибавили к своим именам дополнительное имя *Al-Nasri* (“аль-

⁵ См. Hosham Dawod in *Esprit*, Etatisation de la tribu et tribalisation de l'Etat, Paris, 2001, cc: 21-41.

Насри” – производное от *Albou Nasser*, Альбу Нассер, названия племени, к которому принадлежал Саддам Хусейн).

Иракские племена после войны и в начале оккупационного периода (апрель 2003 – июль 2004 гг.)

Изначальный политический план американцев на момент их “высадки” в Ираке можно резюмировать следующими словами: демократизация, либерализм, модернизация, – одним словом, все то, что противопоставлялось расхожей идее о “племенах” как о пережитках истории и тормозе прогресса. Тем не менее, некоторые лица, работавшие в гражданской и военной американской администрации, настояли на идее о “полезной роли” племен, способных стабилизировать ситуацию на местах, и особенно в области безопасности.

После нескольких месяцев колебаний, в течение которых американцы не принимали во внимание племенной фактор, племена вдруг оказываются в центре внимания и рассматриваются уже не как устаревший инструмент управления, а как социо-политические структуры, необходимые для успешного применения военной стратегии на местах. Начиная с ноября 2003 года, то есть после ряда реальных сложностей, с которыми пришлось столкнуться американским войскам в Ираке, американские военные составили первый документ, в котором на этот раз с излишним энтузиазмом описывались возможности иракских племен в процессе политической реконструкции государства:

“По крайней мере три четверти иракского населения принадлежат к одному из 150 национальных племен. Многие племена многочисленны и объединяют людей разных этносов и различных религиозных верований, включая суннитов, шиитов, курдов, арабов и персов. Некоторые племенные союзы существуют уже миллионы лет, а некоторые являются результатом политической манипуляции, происходящей в течение последних десяти лет. Если Коалиционная временная администрация (CPA)⁶ и совместные объединенные оперативные группировки (CJTF-17)⁷ смогут найти правильный подход к племенам, то последние смогут стать ключевым фактором в улучшении обстановки безопасности в Ираке.”⁸

⁶ (Англ. – CPA, Coalition Provisional Authority) – прим. перев.

⁷ (Англ. – CJTF, Combined Joint Task Forces) – прим. перев.

⁸ McCallister, William S. (major), Kyle, Charles M. (capitaine), Alexander, Christopher (sergent). "The Iraqi Insurgent Movement", [http://library.nps.navy.mil/home/Iraqi %20Insurgent %20 Movement.pdf](http://library.nps.navy.mil/home/Iraqi%20Insurgent%20Movement.pdf), 14 november 2003, s. 1., p. 1.

Данный документ, в котором преувеличивается принадлежность к племенам иракского населения, свидетельствует о том, что американские военные отлично поняли, какую роль могут сыграть иракские племена, понимаемые ими как политические структуры:

“То, что на уровне индивида является привязанностью к наследию предков, на уровне племени становится отчасти политическим актом (...). Заявляя о себе как о происходящих от определенного общего предка, люди непременно ориентируются на политические установки и стратегии, а не только на родственные связи.”⁹

С конца 2003 года американскими военными были предприняты большие усилия по оказанию влияния на племенную конфигурацию, при этом значимость этой работы была недооценена местными политическими силами – например, исламистскими партиями (суннитской, шиитской) или этнической (курдской) партией (см. Приложение).

Какие выводы можно сделать из применения американцами политики усиления племен на местном уровне?

Учитывая способность лидеров племен к мобилизации своих людей или к провоцированию деструктивной деятельности на местах, наладить с ними контакт желали разные, иногда противостоящие друг другу силы: как коалиционные войска (американцы и англичане) с целью обеспечения безопасности, так и определенные иракские политические деятели и политические объединения, желающие заручиться поддержкой племенных лидеров в противостоянии конкурентам или просто для осуществления предвыборной агитации.

Уже с начала 2004 года многие иракские деятели обращали внимание на то, что определенная племенная принадлежность стала необходимым условием для занятия важных управленческих позиций на государственном уровне. В первое временное правительство Ирака, назначенное 1 июня 2004 года, вошли несколько членов значительных племен: кроме временно исполнявшего обязанности президента Гази аль-Явара (племянника шейха могущественного племенного союза *Shammari*), в правительстве оказались Аднан аль-Джаноби (государственный секретарь без портфеля – из племени *Janabi*), отец которого занимал важный пост в правительстве Саддама Хусейна; Малик Дохан аль-Хасан (министр юстиции – из племенного союза *Jebur*), Лейла Абдул-Латиф (министр труда – из племенного союза *al-Tamim*), Луэй Хатем (министр транспорта, его отец был лидером племени *Ors – Erris*). Тем не менее, все эти политики обладали впе-

⁹ McCallister, стр. 8.

чатляющими резюме (кандидаты наук, имевшие опыт управления предприятиями за границей, владеющие иностранными языками, обладающие развитой сетью контактов и т. д.). Это наблюдение показывает, насколько изменился образ шейха: речь больше не идет об отваге, ружьях и набегах, а скорее о символическом капитале, соединяющем традиции с современностью.

Племена после передачи Ираку независимости (июнь 2004 г)

В конце июня 2004 года начался процесс передачи Ираку частичной независимости. В то же время было сформировано временное правительство национального союза.

На созванной в июле общенациональной конференции, призванной представлять иракское общество, присутствие делегатов от племен было скромным (70 человек, наряду со 140 делегатами от политических партий, 170 представителями интеллигенции...).

Эти официально-политические мероприятия происходили в тот момент, когда большая часть арабско-суннитского региона уже была охвачена восстаниями суннитов, не говоря о мобилизации действий со стороны некоторых представителей шиитских группировок (в частности, сардистов).

В условиях все углубляющегося военно-политического кризиса американские военные, начиная со второй половины 2004 года, прилагали максимум усилий, для того чтобы договориться с главными племенными группами “суннитского треугольника” и вновь, не прибегая к военным действиям, взять под контроль города, расположенные к северу и к западу от Багдада. Период с апреля по ноябрь 2004 года пришелся на сильнейший всплеск мятежей суннитских джихадистов в г. Фаллуджа. Год 2005 стал переломным в новейшей истории Ирака: в первый раз за последние несколько веков иракское правительство оказалось в большинстве своем шиитским, что было зафиксировано затем и в новой конституции, одобренной иракским населением в ходе референдума. В то же самое время группы суннитов, еще не оправившихся от потрясения 2003 года, оказываются оттесненными на политическую обочину и начинают свою собственную войну неповиновения, все больше похожую на способы борьбы джихадистов. Констатируя бессилие правительственных войск Ирака и неспособность коалиционных сил справиться с ситуацией, американцы в массовом порядке обращаются к представителям главных

племен “суннитского треугольника”, перед тем как установить контроль над регионом.

Назначение в 2006 году генерала Дэвида Петрэуса на пост главнокомандующего американскими силами в Ираке усилило эту тактику. Этот военный, получивший к тому же историческое образование в Принстонском Университете, сразу же окружил себя не одним десятком антропологов, среди которых оказались полковник в отставке, служивший в австралийской армии, Дэвид Килкаллен и антрополог Монтгомери МакФэйт. В первый раз со времен войны во Вьетнаме Пентагон составил программу привлечения антропологов для полевой работы в военных частях и выделил на это бюджет общей суммой примерно в 40 млн. долларов в год (программа *Human Terrain System*).

Ставка американцев на усиление позиций иракских племен

После стольких неудач американцы поняли: доверять племенам роль политических посредников на государственном уровне практически не имеет смысла (учитывая локально ограниченный характер их интересов и степени их лояльности). В то же время есть смысл использовать их в процессе осуществления территориального и социального контроля: создание зон безопасности в стратегических регионах с помощью размещения в них небольших подразделений, вооружение своего рода милицейских отрядов, получение разведывательных данных путем внедрения в ту или иную среду, установление прямых контактов с местными представителями власти и т. д. Кроме того, благодаря движению “пробуждение [племен]” (*Sahwa / Awakening*), Пентагон задействовал представителей племен в качестве локальных властных структур в борьбе против бунтарского движения в рамках оказания помощи, по примеру программы “*winning hearts and minds*” – “*завоевывая умы и сердца*”. Для осуществления подобной политики необходимо финансирование, поддержка и снабжение оружием (военно-воздушные и коммуникационные средства и даже танки *Abrams M1*, применявшиеся во время охраны шейха Саттара Абу Риши¹⁰). В то же время данная политика имела своим следствием некоторое попустительство в отношении преступности (в частности, что касается широко распространенного нефте-трафика), а также в отношении неприемлемых практик (кровная месть, традиционные

¹⁰ Joe Klein, " Operation Last Chance ", *Time*, July 9, 2007.

формы правосудия, основанные на кодексе чести¹¹), подрывающих авторитет центральной политической власти, в то время как иракские силы безопасности еще мало квалифицированы, а юридическая система страны до конца не оформлена.

Если кое-кто из “экспертов” и поспешил выразить свое мнение о “стабилизирующей” роли племен¹², то действующие на местах люди быстро столкнулись с ограничениями и противоречиями стратегий, разработанных с целью поддержки местной власти благодаря участию племен. Последними движут столь плохо скрываемый прагматизм, политическая и экономическая выгода, что часто племенных представителей обвиняют в “двойной игре”. Верно и то, что племена прибегали к саботажу работы инфраструктур и выведению из строя тех или иных объектов, ранее находившихся под их протекцией, – под предлогом того, что они выведены из их прерогативы. Помимо этого, некоторые представители племен принимали участие и в вооруженных мятежах, примыкали к спонтанно создававшимся оборонительным отрядам или к террористическим группировкам. Для того, чтобы сдержать подобную деятельность, американские военные развили целую сеть информаторов среди определенных групп населения, с целью оказания влияния и побуждения к действиям, совместно с другими способами “вербовки”, позволяющей иракцам в перспективе примкнуть к местной элите, в которую входят “бизнесмены”, отставные офицеры, религиозные лидеры, глав районов/деревень (*mukhtar*), депутаты.

¹¹ В прессе можно найти много свидетельств о расправах, учиняемых представителями племен, взаимодействующих с американскими военными. См., например: Peter Graff *Harsh justice where U. S. relies on Iraq tribes*, *Washington Post*, September 4, 2007 <http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2007/09/04/AR2007090400353.html>.

¹² Те же эксперты ратуют за развитие племенных отношений в политике на всей территории Среднего Востока. Приведем слова израильянина Амазии Барамы: “Если центральному правительству Багдада удастся сохранить крепкую структуру людей, хорошо знающих племена, у него появятся все шансы использовать племенную систему в упрочении социальной стабильности в деревнях и сохранить целостность страны. Если же, напротив, иракское правительство будет пытаться игнорировать племена и разрушать племенную систему, это приведет еще большей дестабилизации ситуации и последующим вооруженным конфликтам.”, Amatzia Baram, *The Iraqi Tribes and the Post-Saddam System*, Iraq Memo #18, July 8, 2003, <http://www.brookings.edu/views/oped/fellows/baram20030708.htm>.

Нередко (как это произошло во время военного мятежа в Фаллудже) наиболее действенным оказывается не контакт с шейхом племени, а отношения с имамами или с главами районов или деревень (*mukhtar*).¹³ В этом смысле нельзя утверждать, что на социальном уровне, в перспективе реконструкции страны (то есть вне контекста проблем безопасности) политика “пробуждения” (*Sahwa / Awakening*), увенчалась полным успехом.

В провинции Аль-Анбар союз племен с американскими войсками объясняется неприятием населением идеологии и практики Аль-Каиды, а также тем отрицательным эффектом, который мятежи оказывают на его законную и незаконную предпринимательскую деятельность – генерал Петрэус справедливо заметил, что у каждого

¹³ См. статью полковника американской армии, Майкла Айзенштадта: Lt Colonel Michael Eisenstadt, US Army Reserve, “Tribal Engagement Lessons Learned, *Military Review*, September-October 2007, а также отчет об операции “Аллжа” в Фаллудже полковника Уиллиама Ф. Муллена, командира 2-ого батальона 6-ого полка морской пехоты: “Что касается движения “пробуждение”, так это больше связано с племенами. В Фаллудже племена оказывают мало влияния на население, ведь там все так перемешано...”, см.: *Operation Alljah and the Marines of 2nd Battalion, 6th Regiment*, 22 Aug 2007, <http://www.captainsjournal.com/2007/08/22/operation-alljah-and-the-marines-of-2nd-battalion-6th-regiment/>, см. также: *The Special Forces Plan for Pakistan Mistaking the Anbar Narrative*, Captainsjournal.com, 26 Nov. 2007 <http://www.captainsjournal.com/2007/11/26/the-special-forces-plan-for-pakistan-mistaking-the-anbar-narrative/>.

Заметим также, что инициатива применения операции, подобной операции “пробуждение”, в племенной зоне Пакистана подвергается теперь сомнению. Газета *The New York Times* опубликовала “секретный” доклад Министерства обороны США, в котором излагаются планы переброски специальных американских частей для мобилизации племен провинции Уазиристан в борьбе с “Талибан” и “Аль-Каидой” (с выделением 350 млн. долларов на несколько лет работы по объединению приграничных племен, насчитывающих в общей сложности 85 тыс. человек). Однако, племена в этой зоне уже давно и постоянно то завязывают, то разрывают отношения с пакистанскими спецслужбами и боевиками “Талибан” и “Аль-Каиды”, и в отличие от иракцев провинции Аль-Анбар, пакистанские племена тяготеют к исламскому фундаментализму салафистского толка. См.: Bill Roggio *The Pakistan Problem and the Wrong Solution*, *Weekly Standard* 11/21/2007, <http://www.weeklystandard.com/Content/Public/Articles/000/000/014/383wutvv.asp> et Eric Schmitt, Mark Mazzetti, Carlotta Gall, U. S. Hopes to Use Pakistani Tribes Against Al-Qaeda, *New York Times*, Nov. 19, 2007, <http://www.nytimes.com>.

племени в провинции Аль-Анбар есть "свое транспортное предприятие, своя строительная фирма и свое экспортно-импортное предприятие", подразумевая при этом что "Аль-Каида не способствует успешному бизнесу"¹⁴. Другими словами, союз с племенами необходим, но его одного недостаточно ни для ослабления вооруженного противостояния, ни для обеспечения надлежащей безопасности административных, экономических и военных объектов в стране.

Таким образом, роль племен в процессе обеспечения безопасности в целом довольно мала:

“Тем не менее, усилия коалиции по привлечению племен к процессу стабилизации обстановки принесли хоть и немногочисленные, зато важные результаты. Учитывая тот факт, что шейхи племен обладают, как правило, широко развитой сетью контактов как на межплеменном, так и на внеплеменном уровнях (контактов, на которые лидеры племен опираются, в первую очередь, действуя в интересах своего племени), эти лидеры оказались в целом полезными как информаторы, как люди, способные дать ту или иную рекомендацию, а также оказать влияние на членов своего племени.

(...) С другой стороны, договоренностей с лидерами племен оказалось недостаточно для того, чтобы остановить военные столкновения в регионах, находящихся под контролем племен. Точно не установлено, является ли причиной тому неспособность шейхов повлиять на молодых боевиков, составлявших большинство в отрядах мятежников, или неспособность лидеров повлиять на определенные части и подразделения племени. Более того, старания привлечь племена к охране инфраструктур стратегического значения, таких, как, например, нефтепровод и линии электропередачи, окончились провалом. И до недавнего времени шейхи редко сдерживали обещания направить своих людей в отряды “Защитников пустыни”, противостоящих в Хусайбе боевикам “Аль-Каиды”, или направить своих соплеменников в качестве подкрепления в Аль-Фурат, в полицейские войска Альбу-Нимр, или же предоставить большое количество желающих вступить в иракские силы безопасности. Последний пример является наиболее красноречивым, если учесть нынешний высокий уровень безработицы в Ираке.”¹⁵

¹⁴ In Lt Colonel Michael Eisenstadt, US Army Reserve, “Tribal Engagement Lessons Learned, *Military Review*, September-October 2007.

¹⁵ Ibid.

То, чего не удалось достичь путем применения политики “пробуждения”, американцы постарались исправить благодаря другой стратегии, смысл которой заключался в создании гражданских патрулей, так называемых “Вовлеченных местных граждан” (“*Concerned Local Citizens*”, *CLC*), состоящих из большого числа бывших мятежников, безработной молодежи, солдат прежней, распущенной армии и даже из бывших преступников, то есть примерно 103 тысяч человек, получавших (до января 2009 года) от американского командования по 10 долларов в день. Племенные “советники”, задействованные в рамках движения “Пробуждение”, а также отряды *CLC* находятся и действуют в основном в географической зоне, опоясывающей Багдад, а также в провинции Аль-Анбар, и объединяют под своей эгидой население, на 80% состоящее из арабов-суннитов. Последние живут в так называемых “*gated communities*”: коалиционные силы сгруппировали суннитов в районы, отгороженные забором и огражденными сооружениями (баррикадами из мешков с песком или бетонными стенами). Учет населения в таких районах производится по биометрическим параметрам. Решение обнести города и районы стенами, на первый взгляд, способствует снижению уровня насилия, но отнюдь не соответствует процессу взаимного примирения и, скорее наоборот, напоминает “оккупированные территории”, создавая у людей ощущение забаррикадированности (сунниты боятся стать жертвами насилия и экономической изоляции после возвращения американских войск на военные базы, а в представлении шиитов суннитские районы выглядят как очаги салафистского терроризма). Несмотря на это, племенные советы и отряды *CLC* рассматриваются силами коалиции как меры по установлению безопасности на локальном уровне и по защите важнейших инфраструктур страны, а также как способ создания системы взаимодействия и сбора информации среди местного населения.

Заключение

По мнению политических и военных сил в Ираке, племена могут быть как полезными игроками на локальном уровне, так и, напротив, дестабилизирующей силой в процессе установления порядка в регионах.

Действительно, современные племена вынуждены опираться на государство и даже на силы мирового масштаба. Однако авторитет племен и их влияние воспроизводятся на локальном уровне. Именно этот аспект не был учтен исламистскими организациями джихадист-

ского толка, такими, как “Аль-Каида”. Небезынтересно вспомнить пример с провинцией Аль-Анбар, в которой стратегия американского генерала Дэвида Петрэуса частично оправдала себя. Генерал понял, что джихадистский эмир всегда стремится к власти во имя абстрактного, глобального, строгого и радикального ислама. Для эмира местное население представляет собой лишь частицу *уммы*, которую он должен направить на путь, указанный Аллахом. Тем временем легитимность шейха племени зависит от его авторитета среди местного населения и его отношений с государством и внешними силами. Отсюда неизбежный конфликт интересов и легитимности между арабосуннитскими племенами западной части Ирака, с одной стороны, и джихадистами и радикальными исламистами, с другой¹⁶.

Однако этот половинчатый успех американской армии в работе с иракскими племенами таит в себе некоторое противоречие. Дело в том, что американцы используют племена исключительно в целях установления безопасности, но те, оказавшись вовлеченными в действие, становятся участниками политической борьбы, перестают играть пассивную роль и начинают стремиться к успеху как на локальном, так и на государственном уровне. В подобной ситуации одно племя пытается возвыситься над другими и заявляет о главенстве своих собственных практик и традиций по отношению к государственным.

И в заключение подчеркнем, что племенная структура не распространяется на все иракское общество, а существующие в Ираке племена больше не обладают независимостью. Они ищут поддержки у государства и/или у американских военных, для того чтобы остаться или, наоборот, стать политической силой, действующей зачастую в интересах нескольких шейхов, стремящихся приобрести политический вес на местном или даже государственном уровне. Преследуя эти цели, племена часто оказываются в ситуации конфликта интересов с политическими партиями, представителями религиозных и этнических общин. Именно этот процесс и наблюдается сегодня в Ираке.

¹⁶ Pour plus d'analyse, voir Hosham Dawod (Sous-direction), *Tribus et pouvoirs en terre d'Islam*, Armand Colin, Paris, 2004.

Приложение

Для немедленного распространения. 7 января 2004 г.

Контактная информация

Hilary F. White – 781-276-9631 hilary.white@CPA-IQ.ORG

Построение демократии в южно-центральной части Ирака

Город Эль-Хилла, провинция Бабиль, Ирак. Коалиционная временная администрация выделила более 916.700 долларов (1,56 млрд. иракских динаров*) под контракты четырем Племенным демократическим центрам. Племенные демократические центры будут предоставлять помещения шейхам, лидерам племен и другим лицам для обсуждения важных вопросов и знакомства с демократией.

Во время недавно проведенного тренинга на тему “Обучение демократии” (Университет гуманитарных, научных и религиозных исследований г. Эль-Хилла), шейхи заявили следующее:

“За последние 35 лет мы ничего не знали о демократии. Теперь же мы хотим узнать, что такое демократия.”

Шейхи и лидеры племен смогут приходить в Племенные демократические центры для проведения дискуссий о том, каким образом они могут участвовать в развитии свободного, демократического государства Ирак. Выделенные фонды пойдут на создание подобных центров в городах Дивания, Наджаф и Карбала, а также на создание Регионального племенного демократического центра в городе Эль-Хилла. Коалиционная временная администрация намеревается выделить финансирование на организацию других центров в городах Аль-Кут, Рамади и Эль-Хилла. Средства прежнего режима, эти деньги используются отныне на нужды иракского народа.

Коалиционная временная администрация продолжает работу и над другими проектами, призванными способствовать установлению демократии в южно-центральном регионе Ирака. Более 700 шейхов и племенных лидеров оказали помощь в начале работы Союза фермеров в Дивании и Карбале. Союз фермеров предоставляет племенным лидерам возможность ознакомиться с современными фермерскими технологиями, а также заниматься пропагандой демократических принципов. Еще один Союз фермеров начнет свою работу в южно-центральном регионе. Во время церемонии, отметившей начало работы Союза фермеров, шейхи, обсуждавшие вопросы демократии, заявили следующее:

“Наши пророки проповедовали демократию, теперь у нас есть возможность демократию построить”.

“Фермерство – наше будущее. Мы больше не обязаны ждать, пока нам выдадут собственный урожай в обмен на семена и удобрение. Мы мо-

* При курсе на 2004 г.: 1 доллар=1.700 иракских динаров.

жем покупать наши собственные запасы и продавать свою продукцию на свободном рынке. Мы должны научиться, как действовать на этом свободном рынке и как благодаря ему строить свое будущее, будущее наших детей и будущее Ирака.”

Шейхи и лидеры племен, приехавшие со всех концов Ирака, также приняли участие в проводившихся в течение месяца в Университете г. Эль-Хилла тренингах на тему демократии. Директор Университета, Сайед Кизвини, и Коалиционная временная администрация помогли в организации Демократического тренинга, который проводился Агентством международного развития США (USAID) и американским международным Институтом RTI International. Темами занятий стали: свобода прессы, свобода собраний, уважение религиозных меньшинств, свобода вероисповедания, системы выборов, суды и демократические формы правления.

Ирак находится на пути создания независимого правительства, поэтому иракцам необходимо знать о том, что такое свобода и ответственность в демократическом обществе. Коалиционная временная администрация южно-центрального региона будет продолжать работу с иракским населением над различными демократическими проектами, реализация которых позволит иракцам участвовать в жизни свободного, демократического Ирака.